

УДК 94(470)"1941/1945"(470.333):271.2

Дубровский А.М., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия);

Черняков Д.И., учитель истории гимназии № 3, Брянск (Россия);

Кузько Н. А., студент 4-го курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

Зайцев И.А., студент 4-го курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье восстановлена картина возрождения церковно-религиозной жизни на территории современной Брянской области в годы Великой Отечественной войны. В этой картине много черт, типичных для разных областей СССР. Особые черты религиозной жизни на Брянщине заключались в большей или меньшей степени разрушения ее материальной базы в довоенные годы, в степени активности разных слоев населения (в том числе священнослужителей) в деле восстановления церкви и организации духовной жизни, в благотворительной деятельности.

Ключевые слова: Брянская область, Великая Отечественная война, Русская Православная церковь, возрождение религиозной жизни, нацистская администрация

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-48-62

В литературе, посвященной современной Брянской области, чрезвычайно мало внимания уделено положению православной церкви на ее территории в период Великой Отечественной войны и церковно-религиозной жизни в это время. Так, например, в коллективной монографии по истории Орловской епархии (Брянская область входила в состав Орловской) о положении церкви в период оккупации не говорится почти ничего [24]. Между тем история войны без освещения религиозной жизни в оккупированной зоне неполна. Возрождение этой жизни было очень важным обстоятельством, имевшим последствия не только в послевоенные, но и в последующие годы. Цель настоящей работы – заполнить лауну в современных представлениях об истории Брянщины и оккупационного режима в целом.

Как известно, вскоре после прихода к власти партия большевиков начала атеистическое наступление на Русскую Православную церковь. Особенно это наступление развернулось с конца 1920-х – начала

1930-х гг. как процесс, не только одновременный, но и связанный с такими процессами как свертывание нэп, ликвидация кулачества как класса, установление контроля партии над всеми областями культуры. Самым опасным и глубоко ранящим направлением в этом атеистическом наступлении было уничтожение храмов и репрессии, направленные против священников. Если в январе 1937 г. в 5 нынешних районах Калужской и 22 районах Брянской областей действовало около 220 приходов [35, с.57], то к началу 1941 г. на Брянщине их осталось только 11 [28, с. 48]. Православная церковь в изучаемом регионе как административная структура почти прекратила свое существование.

Во второй половине 1930-х гг. советско-партийное руководство начало было менять политический курс по отношению к верующим, учитывая перспективу близкой войны. Однако этот едва наметившийся поворот опоздал. В 1941 г. война началась.

Нацисты сумели воспользоваться всеми поводами для недовольства, которые

создала политика большевиков как раз незадолго до начала войны. Это и колхозный строй, и ссылка раскулаченных, и дефицит товаров, и низкий жизненный уровень народа, и безжалостная борьба с религией. Возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в начале войны заметно усилилось преследование священников и верующих. В Орловской области в июне 1941 г. было арестовано 2 человека, в июле – 3, в августе – 19, в сентябре – 23 [24, с.170].

Формулируя общий подход оккупантов к Русской Православной церкви, рейх-министр занятых восточных территорий А. Розенберг заявлял, что немецкие администраторы могут относиться к православии терпимо и даже поощрительно. Оно должно было обеспечить повиновение славянского населения новой власти [33, с.204]. Однако, учитывая ту патриотическую позицию, о которой объявил глава церкви Сергей (Старогородский) в первый же день войны, вначале немецкой администрации запрещалось содействовать возрождению религиозной жизни в оккупированной зоне. Поэтому нацистские власти не оповещали местное население о том, какую политику они намерены проводить в отношении церкви. Подъем религиозной жизни заставил нацистов корректировать свои действия в отношении православия, тем более, что между взглядами верхушки рейха и той администрацией, которая работала в зоне оккупации, по поводу религиозной политики существовали значительные различия [20, с.64-73]. Если на самом верху нацистской администрации оформлялись в указующие документы кабинетные мысли, далекие от реальной действительности, то на низовом уровне немецкая власть ощупью искала и находила нужные ей практические и соответствующие обстановке методы влияния на религиозную жизнь в захваченных немецкими войсками областях СССР.

Когда в Клинцы, один из крупных районных центров области, прибыли немецкие части, то жители были удивлены тому, что для солдат было проведено

богослужение в единственной действовавшей церкви. Это, видимо, сильно подействовало на сознание горожан. Они не задумывались об отношении немцев к религии, а кроме того, обряд богослужения был почти забыт в Клинцах. И то, что сделали немцы, не могло не подтолкнуть к стихийному движению во имя возрождения церкви. Это движение не могло не подогреваться соображениями взрослого населения о том, что за годы советской власти в городе и районе выросли дети, которые не были крещены.

Нацистская оккупация Брянщины, последовавшая в августе-октябре 1941 г., открыла особую страницу в жизни верующей части населения. Занятые решением важнейших задач военного и административного характера захватчики поначалу мало обращали внимание на события, происходившие в религиозной сфере. Отсутствие препятствий со стороны германского руководства позволило возобновить богослужения в открывавшихся по инициативе местного населения храмах. Начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта В. Кейтель издал приказ о предоставлении населению оккупированной зоны права на ремонт храмов [40, с.523]. Начали работать приходы в Брянске, Новозыбкове, Сураже, Стародубе. Так, в Новозыбкове были открыты Чудо-Михайловская, Троицкая, Рождественская и Никольская церкви, храм Рождества Богородицы в с. Людково. Через две недели после оккупации Суража, по инициативе горожан был открыт храм, куда горожане приносили иконы, церковную утварь и книги. Из числа желающих был сформирован церковный хор [11, д.48, л.8]. Возобновили свою деятельность храмы сел Брянского района: Кабаличи, Чернетово, Б. Полпино и Супонево.

Верующие приступили к открытию храмов, в которых совершались службы не только священнослужителями, но и силами самих прихожан. В частности, к концу 1942 г. действующие храмы имелись в половине волостных управлений Понуровского района.

Таблица 1.

Количество церквей по Понуровскому району. Декабрь 1942 г.

№	Наименование волостного управления	Сколько церквей открыто и где	В каком населенном пункте закрыты	Всего
1.	Алейниковское	нет	Корецкая Буда	1
2.	Азаровское	нет	нет	нет
3.	Андрейковичское	нет	Андрейковичи, Сухосеевка	2
4.	Воронокское	Воронок	Лужки (2)	3
5.	Елионское	Солова, Елионка	нет	2
6.	Курковичское	нет	Курковичи	1
7.	Кистерское	Кистер	Кистер (1)	2
8.	Новомлыньское	нет	нет	нет
9.	Тарасовское	Тарасовка	нет	1
10.	Понуровское	Понуровка	Буда-Понуровская, Демьянки (2), Понуровка	5
Всего		6	11	17

Источник – Ф. Р-2600. Оп.1. Д. Редакция газеты «Новый путь». Л. 199, 206, 207

Из приведенных сведений следует, что к концу 1942 г. только в Понуровском районе была возобновлена религиозная деятельность в 35 % из сохранившихся культовых зданий. Открывались церкви главным образом в крупных селах.

Это восстановление церковной жизни за счет скудных доходов местного населения было характерно и для Смоленского края. «Открытие храмов на территории Смоленщины носило массовый стихийный характер и в первую очередь зависело от желания местных жителей. Служащие вермахта не препятствовали открытию церквей и предоставляли это на усмотрение населения, относясь к этому либо хорошо, либо безразлично, - писал исследователь [20, с.89]. Вероятно, такая картина была характерна для всех оккупированных территорий.

Заметное влияние на восстановление храмов оказывало коллаборационистское руководство. Глава Локотского округа обер-бургомистр Каминский обязал всех волостных старшин и сельских старост приступить к ремонту имеющихся на местах церквей. В качестве источника финансирования были определены добровольные пожертвования верующих [12, д.13, л.115]. Позднее проводимая гражданской администрацией Локотского управления работа в церковной сфере анализировалась в докладе 7-го отдела группы армий

«Центр». Документ, упоминая приказ Каминского о ремонте культовых сооружений, говорит о том, что «во многих местах видны воссозданные церкви или соответствующие работы» (Шкаровский 2007: 396). Редакция газеты «Севский листок» сообщала об открытии церквей в городе и районе, ремонт которых осуществлялся на пожертвования самого населения [12, д.909, л.149].

Поскольку большинство церковных зданий либо было разрушено, либо находилось в непригодном состоянии, для богослужений приспособлялись иные помещения, например, школы и клубы. Это явление было распространено по всей оккупированной территории. Богослужения на территории поселка Брянск-II проходили в специально переоборудованном помещении клуба железнодорожников [12, д.909, л.149]. В Навле под церковь был переделан бывший клуб. Населению Пластовской волости Навлинского района коллаборационистская администрация разрешила проводить религиозные обряды в сохранившихся храмах, а в их отсутствие - во всех подходящих помещениях, например, школах. Стихийный процесс открытия храмов продолжался до конца 1941г. [15, д. 1165, л.18].

Для удовлетворения потребностей открывавшихся храмов в церковной утвари в Клинцах работала иконописная мастерская [17, 1942.5.11].

Быстрое восстановление храмов ставило очень острый вопрос о кадрах священников, что было характерно для всей зоны оккупации. В конце 1941 г. по приказу оккупационного руководства проводился учет имеющихся в наличии кадров духовенства. Исходя из требований главного священника Клинцовского округа протоиерея А. Петровского, всем священникам, находившимся в районах, надлежало прибывать в окружной центр с предоставлением документов для регистрации и выявления прав на служение. В результате на территории Клинцовского округа было учтено только 35 священников [12, д. 15, л.79]. Священники Брянского округа должны были проходить учет и наставления в окружном центре у архимандрита Павла (Мелетьева). В ряде районов округа обнаружилось полное отсутствие священнослужителей [9, д. 42, л.10].

На первых порах верующие предпринимали самостоятельные попытки поиска священников. Объявления с соответствующими запросами периодически печатались на страницах местных коллаборационистских газет. Уже в начале оккупации некоторые люди получили возможность учиться в духовном заведении. Заметный приток священнослужителей был отмечен на Брянщине в начале 1943 г. [11, д.77, л. 25].

Нередко открытием храмов пользовались люди с сомнительной репутацией. Бывший завхоз Комаричской больницы Садовников был снят с работы за половую распущенность и пьянство. Это не помешало ему стать священником и получить назначение на приход [23, с.36]. Староста Никольского храма поселка Брянск-1 сообщал о злоупотреблении алкоголем местным священником, который пропускал церковные службы [1, д. 33, л.144]. В Клинцовском округе более половины всех учтенных священников составляли самозванцы [26, с.462].

Население широко откликнулось на открытие храмов. Через четыре недели после прихода немцев, когда стало ясно,

что снова стали действовать храмы, в воскресный день в Клинцы из сельской местности поехало много народу. «На улице в ряд стоит много маленьких крестьянских одноконных повозок, на сене сидят женщины вместе с необычайным количеством маленьких детей. Воскресенье для горожан и особенно для верующих крестьян из окрестностей это большой праздник. Сегодня впервые за 10 последних лет снова будут крестить детей. Некоторые родители с крестниками проехали по 20 километров и теперь ожидают снаружи, когда в церкви закончится богослужение. Более двухсот матерей... ждут, пока до них дойдет очередь», - так вспоминал этот день очевидец [41, с.116-117]. Население благодарила немца-мемуариста за то, что вернулись богослужение и обряды.

Как правило, рядовые воскресные дни отличались небольшим количеством людей в церквях. Большой приток прихожан наблюдался в дни религиозных праздников. Толпы народа шли в храмы в дни Великого поста. В предпасхальные дни оккупационная администрация разрешала проведение церковных служб не только по воскресеньям и праздникам, но и почти во все дни недели [17,1943.30.04]. Особенно много верующих собиралось на Пасху. Подчас они проделывали путь из своего села до города до 10-15 км, чтобы посетить службу в действующих церквях. В пасхальное воскресенье церкви Брянска и Клинцов не вмещали всех желающих. Многие прихожане были вынуждены отстаивать службу, находясь за пределами храма [38, с. 395].

В отличие от смоленской епархии, в Брянске не видно активной поддержки религиозному возрождению со стороны местной интеллигенции. В Смоленске же при Свято-Успенском соборе сложился кружок религиозно настроенной интеллигенции, которая развернула деятельность по православному просвещению населения [20, с.107-109]. Видимо, различие между двумя городскими центрами объясняется небольшим количеством в

первую очередь гуманитарной интеллигенции в Брянске.

Отличилась брянская епархия и тем, что в ней не видно той благотворительной деятельности, которой занимались церковные люди и их помощники из мирян в Смоленске вплоть до помощи продуктами, одеждой и обувью советским военнопленным в немецком концлагере. В псковской земле священнослужители открыли в ряде лагерей храмы.

Заметив бурное оживление церковной жизни, оккупанты брали ее под контроль. Большое значение в религиозной жизни Брянщины играло соседство с Белоруссией, где нацисты планировали создать независимую от Москвы православную церковь [20, с.400]. Такая политика соответствовала высказыванию Гитлера о месте церкви на оккупированной территории Советского Союза: «Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна превратиться в независимую секту... Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в любой и каждой форме разделения и раскола» [37, с. 454].

Перед минским митрополитом Пантелеймоном (Рожновским) германскими властями были поставлены условия, при которых должна была возникнуть новая церковная структура. Создавая церковь по национальному признаку, нацисты тем самым стремились усилить слабое национальное самосознание белорусов, отделить их от русского населения. Канонические границы новой церкви выходили далеко за пределы Белорусской ССР и включали в себя соседние земли РСФСР Смоленщины и Брянщины, по той причине, что эти территории объявлялись «исконно белорусскими» [34, с. 130].

Примечательно, что руководителями коллаборационистской администрации Брянского округа с октября 1941 г. являлись деятели белорусского национализма – Р. Островский, Д. Космович и М. Витушка [36, с. 4]. За месяц до приезда в

Брянск Р. Островский направил письмо на имя Пантелеимона Рожновского. В документе обращалось внимание на необходимость создания независимой от Москвы «Белорусской автокефальной православной национальной церкви».

Прибыв в Брянск, белорусские коллаборационисты застали активное возрождение религиозной деятельности. В воспоминаниях руководителя городской полиции Д. Космовича ситуация описывается следующим образом: «Кроме организации вооруженных сил я принимал активное участие в организации церковной жизни в Брянском округе. Помогал архимандриту Павлу Мелетьеву, который в 1937-1941 гг., с его слов и по показаниям местных жителей, жил в Брянске нелегально и тайно совершал богослужения в домах верующих. С приходом немецкой армии начал организовывать церковную жизнь в Брянске и прилегающих районах. С моей помощью в Брянске и районных центрах были подготовлены соответствующие здания для совершения богослужений – и Павел начал совершать Божьи службы. В 1942 г. Павел получил от Белорусской митрополии благословение на деятельность по возрождению церковной жизни в Брянском округе» [25, с.141].

С января 1942 г. активизировалась политика оккупантов по отношению к церкви. Ими предпринимались действия по направлению религиозной активности в нужное русло. Так, согласно инструкции военной комендатуры г. Брянска, для проведения религиозных шествий общины верующих должны были заранее подавать соответствующее прошение немецкому коменданту [9, д.19, л.22].

Поддерживая людей церкви как свою социальную базу, оккупанты предоставляли священнослужителям и церковным работникам ряд привилегий. Наряду с сотрудниками гражданской администрации и полиции, церковные служители пользовались правом по снабжению семенным картофелем [7, д. 32, л.13; 14, д.20, л.389].

Согласно приказу управляющего Брянским округом служители религиозных культов облагались подоходным налогом. При этом они могли самостоятельно учитывать свои доходы, исчислять налог и вносить его в соответствующие кассы. Помещения, занятые общинами под религиозные культы не облагались арендной платой, налогом со строений и земельной рентой [8, д.87, л.21]. Последняя мера охватывала, в частности, и смоленскую территорию. На фоне этих двух областей своими особенностями отличалась Псковская область. К началу войны здесь не было ни одного действующего прихода, и немецкая власть организовала так называемую Псковскую миссию – священников, которых посылали немцы для службы в Псковском крае [39, с. 61-62]. В этом факте особенно ясно видно, что нацисты стремились использовать людей церкви для нужд своей пропаганды.

Происходило прямое вмешательство германской администрации в сугубо церковные дела приходов. При этом оккупанты учитывали не интересы верующих, а своей власти. Так, на основании постановления церковного совета с. Брасово была устранена от должности ктитора (старосты) Мария Ш. Это событие послужило основанием для письма бургомистра Брасовского района настоятелю храма священнику В. Покровскому. Постановление церковного совета было признано недействительным по той причине, что «решающую роль в деле расстановки руководящих постов играет местная власть, которая заинтересована восстановлением церквей, являющихся проводником культуры и благочестия. Поэтому в дальнейшем решение серьезных вопросов церковной жизни должно согласовываться с местной властью». В конечном итоге под давлением гражданской администрации, Мария Ш. была восстановлена в прежней должности [1, д. 3, л.44].

Заметной мерой оккупационной администрации стало извещение Брянского окружного управления о введении во всех

оккупированных областях григорианского календаря. На основании постановления военной комендатуры православная церковь должна была отмечать все церковные праздники только по новому стилю. Эта информация доводилась до всех священнослужителей с требованием обязательного исполнения на местах [15, д.1143, л.20]. Если администрация Брянского округа настаивала на безоговорочном соблюдении приказа, то руководство Клинецовского округа проявило в важном для верующих вопросе гибкость. На одном из заседаний бургомистров Клинецовского округа военный советник полевой комендатуры Марлингхауз заявлял: «Рождество будем праздновать по новому стилю. Не возражаем, чтобы там, где нет промышленности, например в селах, праздновали 7 января и устраивали богослужения» [12, д.14, л.256].

Не имея в наличии соответствующих источников, трудно понять, как было воспринято рядовыми верующими это нововведение. По всей видимости, уже к исходу 1942 г. затея захватчиков с насаждением нового стиля полностью провалилась. Подтверждением тому может служить не только празднование важнейших дней церковного календаря исключительно по старому стилю, но и установление их в качестве выходных [6, д.42, л.50].

Еще одной формой вмешательства нацистской власти в церковную жизнь стало внедрение молений, отвечавших запросам германской пропаганды. 18 августа 1942 г. в клинецовском лагере военнопленных протоиерей А. Петровский совершая церковную службу, произнес проповедь, суть которой сводилась к мысли «о скорейшем освобождении русского народа от иудо-большевистского гнета». В конце службы прозвучало многолетие «освободителю от большевистского ига, вождю немецкого народа Адольфу Гитлеру» [11, д.30, л.1]. 31 января 1943 г. по инициативе русского земельного управления в Петропавловском соборе в Клинцах был прове-

ден молебен по случаю десятилетия прихода к власти А. Гитлера. Богослужение открылось молитвой во здравие фюрера. Затем были прочитаны молитвы за германскую армию. Завершила службу панихида по погибшим солдатам германской армии [11, д.94, л.3].

В торжественной обстановке проводились церковные службы в день 22 июня и в годовщины оккупации конкретного населенного пункта. Так, 22 июня 1943 г. в Петропавловском соборе г. Клинцы церковная служба была приурочена ко второй годовщине «вступления германской армии в страну» и «о ниспослании помощи Небесной нашим освободителям в их борьбе с нашими врагами – жидо-большевики» [11, д.87, л.47]. Аналогично прошел этот день в церкви райцентра Брасово Локотского округа. В присутствии обер-бургомистра Каминского и представителей германского командования настоятель В. Покровский в проповеди призвал прихожан молиться «за наших освободителей», т.е. немецких солдат [16, 1943.25.06]. Празднование годовщины оккупации Трубчевска сопровождалось колокольным звоном местных церквей [4, д.193, л.40].

В 1943 г. на Брянщине церковная жизнь переживала бурное развитие. Количественным выражением религиозной активности населения стало открытие 153 православных храмов и двух молитвенных домов [31, с.89]. Указанные цифры подтверждаются архивными документами. К августу 1943 г. на территории Клинцовского округа было открыто 58 храмов [11, д. 94, л.24]. Епископ Павел (Мелетьев), в одном из своих писем упоминал 67 действовавших в Брянском округе церквей [38, с. 395]. По всей видимости, не менее 40 приходов действовало в Локотском округе.

Кроме открытия храмов и возобновления церковных служб в жизнь вернулись крестные ходы. По распоряжению командующего Брянской военной комендатуры 19 января признавалось русским

национальным праздником «Крещение». Духовенству разрешалось организовывать крестные ходы к водным источникам [6, д.7, л.151]. На тот же праздник совершались торжественные процессии в Клинцах и Жуковке [11, д.94, л.3; 9, д.50, л.1]. На день Преполовления в бывшей Тихоновой пустыни Карачевского района, состоялся крестный ход, собравший большое количество местных жителей [18, 1943.22.01]. Летом 1942 г. жители Карачева провели два крестных хода в бывший Николо-Одринский монастырь [18, 1943.22.01]. Особый размах приобрел крестный ход в Севске, состоявшийся 2 сентября 1942 г. Здесь по инициативе прихожан Варваринской церкви возродилась дореволюционная традиция шествия по улицам города с чтимой Казанской иконой [19, 1942.8.09].

Религиозная жизнь нашла свои проявления за пределами церковной ограды. Настоятель Клинцовского собора А. Петровский регулярно проводил беседы со школьниками в зале бывшей женской гимназии. Протоиерей рассказывал присутствующим о традициях совершения религиозных праздников до 1917 г. [17, 1943.30.04]. Священник Тарасий, служивший в Ильинской церкви Трубчевска, посещал воспитанников местного приюта [12, д.13, л.53 об.].

Среди населения Брянского округа распространялся отпечатанный в Карачеве церковный календарь-табель на 1943 г., в котором указывались все праздничные и поминальные дни, посты. Расчет пасхалии был произведен до 1950 г. [18, 1942.13.12]. Обычным явлением стали публикации религиозного содержания, периодически помещавшиеся на страницах местных газет. В школьные программы был включен предмет религиозной направленности – «Закон Божий».

Война вызвала подъем религиозности у населения страны. После войны жительница с. Деньгубовка Дубровского района Лощенкова В.М. вспоминала: «До войны у нас все церкви закрыты были. А

в войну народ стал больше к Богу клониться. У нас в Денгубовке бывший дячок стал молебны по домам служить. Одна моленная женщина у нас в Алешенке отвела ему свою квартиру. Стал народ туда собираться как в церковь, и он там молебны служить. Все, что надо, по книгам читал» [13, д.8, л.26].

Уроженец с. Гнилево Трубчевского района В.Н. Беликов, подростком переживший оккупацию, вспоминал: «Мама стала вдруг религиозной. Где-то переписала псалом 90-й: мол, спасает от всех напастей. Во время налетов, сидя в погребке, приходилось слышать ее лихорадочный шепот: «Господи Боже, спаси и помилуй! Накажи ту сволочь, которая всё это придумала... Где же ты, мать-Богородица? Будь милосердна, спаси меня, спаси моих детей!» [22, с.482].

Позиция священнослужителей по отношению к оккупационным властям была неоднозначной. Естественно, что значительная часть из них была верна новой власти. Немецкий мемуарист В. Энгельгардт вспоминал, что в Клинцах, в доме у священника, он видел портрет фюрера. В Брянске были открыты две церкви. В одной из которых молились «за многие лета Адольфа Гитлера, за победу доблестного германского войска» и «за смерть антихристов-жидов и большевиков». В другом храме молитва совершалась «за прекращение кровавой и человекоубийственной войны». Верующие реагировали на содержание службы своей посещаемостью. Во второй церкви молящихся наблюдалось значительно больше, чем в первой [15, д. 909, л.149 об.].

Те священники, проповеди которых содержали антисоветские высказывания, подлежали суровому преследованию со стороны партизан наравне с гражданскими или военными коллаборационистами. На оккупированной Брянщине имели место случаи убийств партизанами священников. Такие примеры зафиксированы в селах Дреколье, Евдоколье и Гря-

зивец Погарского района, селе Семцы Почепского района, райцентре Гордеевка [5, д.38, л.45 об.; 12, д.15, л.44].

Имеются и противоположные примеры, когда православные священники становились жертвами нацистского террора. В с. Лопатня Клинцовского района и с. Б. Полпино Брянского района были расстреляны настоятели храмов, выступившие против творимых оккупантами злодеяний [4, д.71, л.33 об.].

К числу священнослужителей, которые в своих проповедях говорили о победах Красной армии и скором изгнании захватчиков, следует отнести Иоанна Головачева. Когда началась оккупация, он получил от немецких властей пропуск в Смоленск, где учился на пастырских курсах. Пройдя обучение, он принял сан и вернулся в родное село Давыдчичи Дубровского района. Головачев оставил среди односельчан добрую память. Он шел к людям, невзирая на позднее время, непогоду. Пользуясь положительным расположением к себе командования местной заставы, священник сумел добиться снятия ограничений комендантского часа для верующих в дни посещения церкви. Местная жительница вспоминала: «Обычно на мосту застава стояла, пропуска проверяли. А тут как женщина оденется получше, большой платок на голову, только спросят: «Матка! Кирхе?» - и пропустят» [13, д.170, л.143].

Особое уважение среди прихожан вызывала патриотическая направленность служения Иоанна Головачева. Священнослужитель не боялся совершать молебны за победу Красной армии. После таких служб люди делились друг с другом своими настроениями: «Как на душе просветлело: батюшка опять молится о христоролюбивом воинстве, о победе оружия русского». Похожие воспоминания оставил житель с. Б. Алёшня А.Е. Митракович. Весной 1942 г., будучи учителем, он был вызван в Давыдчичи на педсовет. Оставшись на ночь у знакомого, утром

Митракович стал свидетелем сцены. Ходивший с совершением треб священник Головачев на дому совершал молебен: «Служит священник молебен и вдруг возглашает: «Да будет победа оружия русского!» Мы все так и остолбенели. Смелый человек он был» [13, д.170, л.141 об.].

До марта 1942 г. религиозная жизнь на Брянщине и в соседних областях развивалась самостоятельно, без единого руководства. 8–10 марта 1942 г. в Минске прошел Собор епископов Белорусской церкви. Согласно акту деяний Собора была образована обширная Смоленская епархия, которая включала Смоленск, Невель, Велиж, Ярцево, Рославль и Брянск. В этой епархии высшие церковные должности могли занимать только белорусы. Правящий архиерей должен был получить титул – «епископ Смоленский и Брянский». На епископскую кафедру назначался овдовевший протоиерей Симеон Севбо. Его посвящению в епископы должны были предшествовать монашеский постриг и возведение в сан архимандрита. Изначально архиерейская хиротония С. Севбо относилась к ведению минского митрополита Пантелеимона. Однако глава Белорусской церкви не спешил с вопросом назначения епископа Смоленского и Брянского, ограничившись только пострижением в монахи протоиерея С. Севбо с именем Стефан и возведением в архимандриты. По всей видимости, прорусски настроенный митрополит Пантелеимон, не хотел иметь при себе кафедральным архиереем белоруса, которого желал поставить только своим викарием. Однако под давлением националистов и благодаря вмешательству Генерального комиссариата Белоруссии, возведение в епископы Стефана (Севбо) состоялось 17 мая 1942 г. [25, с.164-168].

Все это вовсе не означало, что отныне православные приходы Брянщины автоматически включались в юрисдикцию Белорусской православной церкви. Многие священники вовсе не почувствовали над собой никакого епископского

контроля. С мест в окружные центры поступала информация, что отдельные священники не имели никаких указаний со стороны новой церковной администрации [12, д.15, л.177].

Формальное нахождение в подчинении Смоленской епископской кафедры поставило перед коллаборационистским аппаратом вопрос о создании собственных епархий в границах административных округов. Инициатива исходила со стороны гражданской администрации. 29 января 1943 г. районным бургомистром Локотского округа было разослано письмо управляющей делами А. Воскобойник следующего содержания: «Предлагается поставить в известность всех священников в районе и направить в г. Воскобойник (Локоть) к обер-бургомистру на совещание по созданию окружной епархии» [1, д.3, л.42]. В феврале того же года Клиновский окружной бургомистр уведомил представителя оккупационного командования военного советника Марлингхауза о необходимости образования на территории Клиновского округа епархии и назначении епископа [12, д.14, л.270]. Таким образом, без согласования с белорусскими церковными деятелями на местах возникло движение в пользу образования епархий, во главе которых должно было стать местное (русское) духовенство.

Выходящая из-под контроля ситуация заставила главу епархии принять активные меры. 28 февраля 1943 г. епископ Смоленский и Брянский Стефан утвердил распоряжение о создании на местах органов церковного управления. Острая нехватка достаточного количества священнослужителей должна была компенсироваться активностью мирян.

Епископ отстаивал мысль о том, что в заведывании церковными делами широкое участие должны принимать сами верующие. Поэтому высшим распорядительным органом каждого храма должно было являться приходское собрание, состоящее из уполномоченных, избираемых на общем собрании прихожан. Его проведение

должно было проходить в одно из воскресений после службы. О дне выборов прихожане извещались за три недели. В число уполномоченных входили по 1-2 жителя селений относящихся к приходу. К ведению приходского собрания относились религиозно-просветительские, церковно-благотворительные и финансово-хозяйственные вопросы. Уполномоченные утверждали смету расходов, заслушивали отчеты приходского управления. Проведение собраний должно было происходить в присутствии настоятеля либо церковного старосты не реже одного раза в месяц.

В свою очередь, уполномоченные избирали приходское управление, представленное старостой и тремя членами по религиозным, благотворительным и хозяйственным вопросам. Органы церковного управления подлежали созданию на территории епархии не позднее 1 марта 1943г. [17, 1943.28.02]. Были приняты меры к единообразному совершению духовенством богослужений. Отныне священники обязывались поминать за богослужениями «Высокопреосвященнейшего Пантелеимона, митрополита Минского и Белорусского, и господина нашего Преосвященнейшего Стефана, епископа Смоленского и Брянского» [11, д.77, л.19].

Создававшиеся приходские советы оправдали надежды Стефана. По инициативе церковных управлений, верующие самостоятельно ремонтировали храмы и проводили в отсутствие священника дозволенные церковным уставом службы. Подобную активность можно наблюдать на примере прихода с. Рожны Клинецкого района. Здесь верующие сами провели собрание по поводу ремонта церкви, занятой до войны под склад. Для подготовки здания к богослужениям была создана комиссия из трех человек. Комиссия в ходе своей работы опиралась на помощь не только своих односельчан, но и жителей соседних сел. Воловка, Рудня-Голубовка и Теремощка [11, д. 94, л.12].

В храме с. Лопатни того же района прихожанами был установлен иконостас,

отремонтирован алтарь и установлен купол на колокольне. Утварь для церкви была принесена самими прихожанами. Итогом работы приходского совета стало освящение храма 27 апреля 1943 г. [11, д.90, л.54].

12-14 мая 1943 г. в Смоленске проходило очередное заседание епархиального управления, в котором принимали участие благочинный Клинецкого округа протоиерей А. Петровский и настоятель Воскресенского храма архимандрит Павел (Мелетьев). Заседания проходили в присутствии представителей германского командования, местной интеллигенции и администрации. Собрание констатировало увеличение территории епархии, которая была разделена на церковные округа, возглавляемые благочинными: Смоленский, Рославльский, Брянский, Клинецкий, Гомельский, Могилевский, Оршанский, Витебский и Полоцкий. При каждом округе надлежало создать благочинническое управление, включающее благочинного (главного священника округа), одного священнослужителя и одного мирянина. Чтобы полностью пресечь деятельность самозванцев, благочинным поручалось ведение послужных списков священства. Участники вынесли решение о принятии мер к обязательному преподаванию закона Божия в школах епархии. В качестве положительного примера указывался Брянск, где уже велось преподавание указанного предмета, и во всех учреждениях обязательно имелись иконы [11, д. 83, л.6].

По постановлению смоленского епархиального собрания в г. Клинцы должен был открыться семинар для подготовки священнослужителей. Приходские священники округа обязывались оповестить всех верующих и предложить желающим прослушать семинар. Для этого подавались следующие документы: заявление на имя благочинного, документы о возрасте, образовании и семейном положении, отзыв приходского священника.

Длительность семинара должна была составлять три месяца [11, д. 94, л.20].

Большая протяженность Смоленско-Брянской епархии и преклонный возраст не позволяли Стефану в полной мере осуществлять работу по управлению вверенной ему территории. Поэтому, в начале мая 1943 г. епископ Стефан обратился к главе Белорусской церкви митрополиту Пантелеиму с просьбой о рукоположении ему в помощь викарного епископа. В качестве кандидатуры был предложен настоятель Воскресенского храма Брянска архимандрит Павел Мелетьев. 17 июня состоялось заседание синода Белорусской православной церкви, в ходе которого было решено посвятить Павла с титулом «епископ Рославльский, викарий Смоленской епархии». Его рукоположение состоялось 11 июля 1943 г. в кафедральном соборе Минска. Новопосвященный выражал свое недовольство как титулом, так и положением викарного епископа. Павел хотел быть самостоятельным епархиальным архиереем и иметь титул епископа Брянского. Он проигнорировал свое назначение в Рославль, продолжая жить в Брянске и осуществлять свою деятельность на территории Брянского округа [21, с.281].

Освобождение в августе-сентябре 1943 г. западных районов Орловской области сопровождалось бегством коллаборационистов, в том числе священнослужителей и церковных работников, активно сотрудничавших с оккупантами. Имели место случаи и насильственного вывоза священников в обозе отступающей армии [40, с. 55]. Епископ Стефан, в 1944 г. находясь на территории Германии, вошел в юрисдикцию Русской православной церкви за границей [38, с.502]. Павел, оказавшись после войны на территории Австрии, принял унию с католической церковью [27, с.301], став титулярным епископом Гераклеопольским.

В полной мере подлинное отношение захватчиков к религии проявилось в ходе освобождения Брянщины в августе-

сентябре 1943 г. Трагичным для верующих стало отступление германской армии, которое сопровождалось разрушениями храмов и разграблением церковного имущества. В Воскресенском храме Брянска были похищены облачения священнослужителей, ценные иконы, утварь. Взору верующих при возвращении в храм предстал хаос – печи, забитые мусором, разбросанные скамейки, столы и подсвечники. Общий размер убытков составил 191 500 руб. [3, д.139, л.95]. Перед взрывом подвергся разорению Никольский храм Володарского поселка г. Брянска. Были расхищены утварь, иконы и церковные книги на сумму 174 800 руб. [3, д. 139, л.96].

Нацистами были взорваны храмы Володарского поселка и Заречной слободы в Брянске, с. Б. Полпино, два единоверческих храма и часовня в Клинцах, селах Упорой и Скуратово Выгоничского района, поселке Любохна Дятьковского района. При отступлении немцы уничтожили все храмы в Навлинском районе [40, с.55;29, с. 266; 30, с. 138; 32, с. 130]. Все это было характерно и для смоленской епархии.

Итак, в жизни самой крупной религиозной группы на Брянщине, православной церкви, следует выделить три периода. Первый (с августа по декабрь 1941г.) отмечен стихийным открытием храмов и молитвенных домов, фактически без особого контроля со стороны оккупантов. В это время политика новой власти по отношению к церкви и религиозной жизни только формировалась. Для второго периода (январь 1942 г. – февраль 1943 г.) характерно усиление контроля над церковной жизнью со стороны германского руководства, воздействие на внутреннюю жизнь церкви с использованием обрядов для пропаганды идей в нужном оккупантам русле. С февраля по сентябрь 1943 г. православные приходы Брянщины подчинялись главе Белорусской православной церкви. Отмеченный период характеризуется проведением целого комплекса мер

по созданию стройной иерархической системы, унификации церковной службы и усилению власти епископа Смоленского и Брянского. Такая периодизация входит в противоречие с выводом В.Л. Амельченкова о том, что «определенные изменения в нацистской церковной политике на востоке произошли в 1943-1944 гг.» [20, с. 70]. Представленный в статье материал показывает, что эти изменения на уровне местной администрации начались раньше.

Период нацистской оккупации стал временем религиозного возрождения, сопровождаемым открытием культовых зданий, и самое главное, воссозданием церкви как административной структуры. Отсутствие препятствий для открытия культовых зданий и разрешение на внецерковные формы религиозной активности нельзя рассматривать как главную линию оккупантов, нацеленную на возрож-

дение веры, а как тактический шаг, объясняемый стратегическими задачами. Религия для захватчиков воспринималась как один из механизмов воздействия на жителей захваченной советской территории. Без всякого сомнения, лояльное отношение к религиозным процессам, протекавшим в оккупированных советских областях можно воспринимать как форму борьбы с элементами советской идеологии, в частности, с атеизмом.

Картина возрождения религиозной жизни на Брянщине во многом типична для разных районов СССР. Отличия заключаются в большей или меньшей степени разрушения ее материальной базы в довоенные годы, в степени активности разных слоев населения (в том числе священнослужителей) в деле восстановления церкви и организации духовной жизни, в благотворительной деятельности.

Список литературы

1. АУ ФСБ БО 1 – Архив управления Федеральной службы безопасности по Брянской области Д. 3.
2. АУ ФСБ БО 2 - АУ ФСБ БО Д. 33.
3. БГГА – Брянский Городской государственный архив. Ф. 243. Оп.2. Брянская государственная инспектура центрального статистического управления
4. ГАБО 1 – Государственный Архив Брянской области. Ф. П-1650. Оп.1. Брянский штаб партизанского движения
5. ГАБО 2 Ф. П-1672. Оп.1. Навлинский окружной комитет ВКП (б).
6. ГАБО 3 Ф. Р-1757. Оп.1. Общий отдел Брянской городской управы
7. ГАБО 4 Ф. Р-1763. Оп.1. Земельный подотдел городского хозяйства Брянской городской управы.
8. ГАБО 5 Ф. Р-1764. Оп.1. Финансово-налоговый отдел Брянской городской управы.
9. ГАБО 6 Ф. Р-1777. Оп.1. Клетнянская районная стража.
10. ГАБО 7 Ф. Р-2593. Оп.1. Навлинская уездная управа.
11. ГАБО 8 Ф. Р-2600. Оп.1. Редакция газеты «Новый путь».
12. ГАБО 9 Ф. Р-2608. Оп.1. Коллекция документальных материалов периода оккупации Брянской области 1941 – 1943 гг.
13. ГАБО 10 Ф. Р-2962. Запись воспоминаний жителей о войне.
14. РГАСПИ 1 Ф. 625. П.К. Пономаренко
15. РГАСПИ 2 Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения.
16. Голос народа.
17. Новый путь.
18. Речь.
19. Севский листок.
20. Амельченков В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 2006 – 192 с.

21. Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990 – 186 с..
22. Беликов В. Война. Впечатления деревенского подростка // До свидания, мальчики. Мы не были сволочами! М., 2006
23. Дандыкин Т.К. В памяти народной. Брянск, 1973.
24. Жарков М., Ливцов В., Лепилин А. История Орловской епархии. Орел, 2007 – 236 с.
25. Касмовіч Д. За вольную і суверэнную Беларусь. Вільня, 2006 – 196 с.
26. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. М., 2004 -483 с.
27. Колупаев Р. Мелетьев Павел, епископ. Католическая энциклопедия. М., 2007. Т. 3.
28. Краткая история Брянской епархии. Брянск, 2009 – 124 с.
29. Локтина Т.И. Выгоничская земля от истоков к будущему. Книга очерков. Брянск, 2007.
30. Любохна. История и люди. Краеведческий очерк. Брянск, 2001 – 189 с.
31. Перелыгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917-1953 гг.). Орел, 2008 – 216 с.
32. Перелыгин А.И. Русская православная церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1995. № 4.
33. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
34. Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945. М., 2008 – 432 с.
35. Серафим (Амельченков), иеромонах. Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов (на материалах Смоленской области). Смоленск, 2011 – 256 с.
36. Силова С.В. Православная церковь в Белоруссии в период Великой Отечественной войны (1941-1945гг.). Гродно, 2006.
37. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. М., 2006 – 216 с.
38. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007 – 512 с.
39. Шкаровский М.В. Приходы Псковской миссии // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып.26-27. СПб., 2002.
40. Якунин В.Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Самара, 2001 – 226 с.
41. Engelhardt W. Klinzy. Bildnis einer Russidchen Stadt nach ihrer Befriung vom Bolschevismus. Berlin\$ Leipzig, 1943 – 136 s.

THE POLICY OF THE OCCUPATIONAL AUTHORITIES WITH RESPECT TO THE ORTHODOX CHURCH IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE BASIS OF BRYANSK REGION MATERIALS)

This article consists reconstruction of the picture of the renaissance of religion life of Bryansk region during the Great Patriotic War. There are many features in this life which were very typical for other regions of the USSR. The peculiarity of the Bryansk region consists of different degrees of destroying of churches during 1920-1930's, of levels of population activity in process of renovation of churches and organization of religious life, of philanthropy activity.

Keywords: The Bryansk region, the Great Patriotic War, The Russian Orthodox Church, renaissance of religion life, Nazi administration

References

1. AC FSB BO 1 - Archive of the Federal Security Service Directorate for the Bryansk region D. 3.
2. AU FSB BO 2 - AU FSB BO D. 33.
3. BGGGA - Bryansk City State Archives. F. 243. Op. 2. Bryansk State Inspectorate of the Central Statistical Office
4. GABO 1 - State Archives of the Bryansk Region. F. P-1650. Op. 1. Bryansk headquarters of the partisan movement
5. GABO 2 F. P-1672. Op. 1. Navlinsky district committee of the CPSU (b).
6. GABO 3 F. R-1757. Op. 1. General Department of the Bryansk City Council
7. GABO 4 F. R-1763. Op. 1. The land subdivision of the municipal economy of the Bryansk City Council.
8. GABO 5 F. R-1764. Op. 1. Financial and tax department of the Bryansk city government.
9. GABO 6 F. R-1777. Op.1. Kletnyanskaya district guard.
10. GABO 7 F. R-2593. Op.1. Navlinsk district government.
11. GABO 8 F. R-2600. Op. 1. Editorial office of the newspaper "New Way".
12. GABO 9 F. R-2608. Op. 1. Collection of documentary materials from the period of the occupation of the Bryansk region 1941 - 1943.
13. GABO 10 F. R-2962. Recording the memories of the inhabitants of the war.
14. RGASPI 1 F. 625. P.K. Ponomarenko
15. RGASPI 2 F. 69. Central headquarters of the partisan movement.
16. Voice of the people.
17. A new way.
18. Speech.
19. Sevsky leaf.
20. Amelchenkov, V.L. (2006). Smolenskaya eparhiya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Smolensk Diocese during the Great Patriotic War]. Smolensk. 192 s.
21. Afanasiy (Martos), (1990). Arkhiepiskop. Belarus v istoricheskoiy gosudarstvennoy i tserkovnoy zhizni [Belarus in the historical state and church life]. Minsk. 186 s.
22. Belikov, V. Voyna. (2006). Voyna. Vpechatleniya derevenskogo podrostka // Do svidaniya, malchiki. My ne byli svolochami! [The war. Impressions of a village teenager // Goodbye, boys. We weren't bastards!]. M.
23. Dandykin, T.K. (1973). V pamyati narodnoy. [In the memory of the people]. Bryansk
24. Zharkov, M., Livtsov V., Lepilin A. (2007) Istoriya Orlovskoiy eparkhii. [History of the Diocese of Orel]. Orel. 236 s.
25. Kasmovich, D. (2006). Za volnyu i suverennuyu Belarus. [For free and sovereign Belarus]. Vil'nya. 196 s.
26. Kovalev, B.N. (2004). Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii [Nazi occupation and collaboration in Russia]. M. 483 s.
27. Kolupaev, R. Melet'ev Pavel. Episkop. (2007). Katolicheskaya entsiklopediya. [The Catholic Encyclopedia]. T. 3
28. Kratkaya istoriya Bryanskoi eparkhii. (2009). [Brief history of the Bryansk Diocese]. Bryansk. 124 s.
29. Loktina, T.I. (2007). Vygonichskaya zemlya ot istokov k budushhemu. Kniga ocherkov. [Vygonichskaya land from the origins to the future. A book of essays]. Bryansk.
30. Lyubohna. Istoriya i lyudi. Kraevedcheskiy ocherk. [Lyubokhna. History and people. Local history essay]. Bryansk. 189 s.
31. Perelygin, A.I. (2008). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Orlovskom krae [Russian Orthodox Church in the Orel Region]. Orel. 216 s.

32. Perelygin, A.I. (1995). Russkaya pravoslavnaya tserkov' na Orlovshhine v gody Velikoïy Otechestvennoïy voiny // Otechestvennaya istoriya [The Russian Orthodox Church in the Orel Region during the Great Patriotic War] Russian History. № 4.
33. Pospelovskiy, D.V. (1995). Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' v XX veke. [The Russian Orthodox Church in the XX Century] М.
34. Roman'ko, O.V. (2008). Korichnevye teni v Poles'e. Belorussiya 1941-1945. [Brown shadows in Polesie. Belarus 1941-1945] М. 432 s.
35. Serafim (Amel'chenkov), ieromonah. (2001). Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' i obshchestvo v period Velikoïy Otechestvennoïy voiny 1941-1945 godov (na materialah Smolenskoj oblasti). [The Russian Orthodox Church and Society during the Great Patriotic War of 1941-1945] On the materials of the Smolensk region. Smolensk. 256 s.
36. Silova, S.V. (2006). Pravoslavnaya tserkov' v Belorussii v period Velikoïy Otechestvennoïy voiny (1941-1945gg.). [The Orthodox Church in Belarus during the Great Patriotic War (1941-1945)] Grodno, 2006.
37. Tsy-pin, V. (2006). Istoriya Russkoïy Pravoslavnoïy TSerkvi. Sinodal'nyi i novejsiiy periody. [History of the Russian Orthodox Church. Synodal and recent periods.] М. 216 s.
38. Shkarovskiy, M.V. (2007). Krest i svastika. Natsitskaya Germaniya i Pravoslavnaya TSerkov'. [Cross and swastika. Nazi Germany and the Orthodox Church.] М. 512 s.
39. Shkarovskiy, M.V. Prikhody Pskovskoïy missii // Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti. Vyp.26-27. [Parishes of the Pskov Mission] St. Petersburg Diocesan Gazette 26-26. Spb.
40. Yakunin, V.N. Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' na okkupirovannykh territoriyah SSSR v gody Velikoïy Otechestvennoïy voiny 1941-1945. [The Russian Orthodox Church in the Occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945.] Samara. 226 s.
41. Engelhardt W. (1943). Klinzy. Bildnis einer Russidchen Stadt nach ihrer Befriung vom Bolshevismus. Berlin\$ Leipzig, 1943 – 136 s.

Об авторах

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru;

Черняков Дмитрий Игоревич - учитель истории гимназии № 3, Брянск (Россия), E-mail: dm_br@mail.ru;

Кузько Никита Александрович - студент 4-го курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kuzkon20@gmail.com;

Зайцев Иван Андреевич - студент 4-го курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: i-hah@bk.ru.

Dubrovsky Alexander Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: alexdubr48@mail.ru;

Chernyakov Dmitry Igorevich - teacher of history at gymnasium No. 3, Bryansk (Russia), E-mail: dm_br@mail.ru;

Kuzko Nikita Aleksandrovich - 4th year student of the Faculty of History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: kuzkon20@gmail.com;

Zaitsev Ivan Andreevich - 4th year student of the Faculty of History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: i-hah@bk.ru.